

ЕЛЕНА ЧЕРНОЛЕССКАЯ

КРОВНИЦА ЗВЕРЯ

Осторожнее с мечтами

16 СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Елена Чернолесская

Кровница Зверя.
Осторожнее с мечтами

«Автор»

2026

Чернолесская Е.

Кровница Зверя. Осторожнее с мечтами / Е. Чернолесская —
«Автор», 2026

Елене сорок пять. Взрослый сын, любимая работа, вечная усталость и одна мечта — чтобы все наконец оставили её в покое. Утренняя прогулка с собакой закончилась опасной встречей. Для него она — бесценная находка. Для неё он — чудовище, которое отняло её имя, семью и свободу. История о женщине, которая слишком долго была сильной. И о звере, который впервые научился беречь. Книга содержит сцены жестокости, описание травмирующих событий и откровенные интимные сцены. Не рекомендуется к прочтению лицам младше восемнадцати лет и тем, кто остро воспринимает темы насилия, потери контроля и принуждения. Все события и персонажи вымышлены; автор не оправдывает и не пропагандирует насилие.

© Чернолесская Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Елена Чернолесская

Кровница Зверя. Осторожнее с мечтами

Глава 1

Елена

Утро выдалось из тех, ради которых стоит просыпаться в воскресенье ни свет ни заря. Солнце заливало мир щедрым, ещё не жарким светом, и воздух пах так вкусно, что его хотелось съесть.

Сразу после завтрака мы с Марсом рванули в лес. Я врубила музыку погромче, опустила окно и запела во весь голос, не заботясь ни о слухе, ни о приличиях. Воскресенье, раннее утро. Никто не услышит, никто не осудит.

Эти прогулки давно стали моей отдушиной. Единственным местом, где можно было выдохнуть. Работа за последние годы вымотала до состояния выжатой тряпки — мне казалось, что я не живу, а обслуживаю бесконечную очередь чужих задач. Короткие отпуска не спасали: две недели дня на размораживание, а потом снова в упряжку. Я не умела говорить «нет», и этим пользовались — охотно, привычно. Да, платили. Но деньги давно перестали что-то компенсировать. Хотелось одного: снять с себя всё. Ответственность, контроль, вечную необходимость думать за всех. Хоть на день. Хоть на час. Просто — остановиться. А вообще хотелось йогурта и на ручки, но приходилось заливать литры кофе и работать, работать, работать.

Марс на заднем сиденье нетерпеливо тыкался мокрым носом мне в ухо. Он прекрасно знал, куда мы едем, и от нетерпения не мог усидеть на месте. Перебирал лапами, повизгивал, мотал хвостом так, что раскачивал машину.

Свернула на грунтовку, быстро припарковалась. Как и ожидалось, ни единой души. В такую рань здесь можно встретить разве что таких же сумасшедших собачников, как я. Стоило открыть дверь, Марс вылетел стрелой, ткнулся носом в землю и понёсся вперёд, задрав хвост победным флагом.

Я шла за ним не торопясь, запрокинув голову. Небо было удивительно голубым с редкими облаками, похожими на клочья растрёпанной ваты. Зелень вокруг ещё хранила ту особенную, весеннюю сочность яркую, какая бывает только в конце мая.

Ступив на тропинку, ведущую в глубь леса, я с наслаждением вдохнула полной грудью. Воздух пах землёй, хвоей и разогретой на солнце смолой. Маршрут был уже стандартный, мы гуляли здесь чередуя направления.

На любимой полянке, той, где тропинка раздваивалась, предлагая выбор, я присела на поваленное бревно. Прислушалась. Лес звучал и молчал одновременно: шелестел листвой, щёлкал дроздом где-то в кроне, дышал и при этом был наполнен такой глубокой, первозданной тишиной, будто весь мир уснул, а я забрела в чужой, нетронутый сон. Марс умчался в ближайшие кусты, шуршал там, фыркал, занятый своими важными собачьими делами. Как же хорошо: тихо, никто ничего не требует, телефон молчит, вокруг ни-ко-го.

Я сидела долго. Так хорошо, так спокойно, что не хотелось двигаться. Уже собралась подниматься, когда меня пронзило острое, животное чувство опасности, от которого волосы на затылке встали дыбом, а в груди похолодело. Краем глаза уловила движение за спиной.

Вскочила, оборачиваясь. У дерева стоял мужчина. Я не услышала, как он подошел, не увидела. Он просто материализовался и все.

Он не двигался. Смотрел на меня в упор. Взгляд был холодный, оценивающий, с лёгкой ноткой презрения.

Высокий, сильный и абсолютно уверенный в себе — это считывалось сразу, по развороту плеч, по тому, как небрежно он опирался на ствол. Волосы опускались до плеч прямыми, почти платиновыми прядями. Лицо жёсткое, словно вырезанное из кости. Глаза ледяные, ярко голубые, даже скорее бирюзовые. Губы чуть кривились в предвкушающей полуулыбке, от которой в груди и в животе все заледенело.

Руки в карманах, спокоен, расслаблен. Как хищник, которому некуда торопиться.

— Доброе утро, — рискнула я нарушить молчание, потому что его пристальный взгляд был хуже любых слов.

— Ну, привет, ранний завтрак.

Голос низкий, бархатный не вязался с ледяными глазами, он оттолкнулся от дерева и сделал шаг ко мне.

Я в ужасе отступила, не понимая, о чем он говорит, лихорадочно просчитывая варианты: убежать — вряд ли, кричать бесполезно, до ближайшего жилья километры. Марс... Он ушел далеко, да и не смог бы помочь. Против этого человека мой пёс не защита.

В следующее мгновение мужчина оказался вплотную, я не успела понять, как он преодолел расстояние и обхватил меня за плечи. Захват был настолько сильным, что я даже не поверила, что не могу двигаться. Дернулась раз, другой — бесполезно.

— Отпустите! — пропищала я, силясь вырваться. Его пальцы лишь сжались крепче.

— Кричать бессмысленно, ничего личного, детка, ты просто оказалась не в том месте и не в то время.

Одна рука скользнула мне на талию, рывком притискивая к горячему мужскому телу. Вторая — на затылок, пальцы впились в волосы, оттягивая голову. Я взвизгнула, упираясь ладонями ему в грудь, было ощущение, что я пытаюсь оттолкнуть от себя каменную статую.

Мозг в панике цеплялся за нелепые, ненужные детали. Жар кожи, запах сандала. Ярко-голубые, абсолютно равнодушные глаза.

А потом он резко наклонился и впился зубами мне в шею, вернее клыками.

Я закричала от боли и тут же поперхнулась собственным криком. Грудь и шею запекло, правое плечо начало стремительно неметь. Распахнула глаза и увидела над собой безмятежное небо. Такое красивое. Такое равнодушное к тому, что происходило внизу.

Он пил мою кровь. Пил — по-настоящему. Это не сказки, не фильмы, не бред воспалённого воображения.

В голове мутилось, мысли рвались, как нитки, не успевая сложиться во что-то осмысленное. Я слышала его сдавленный рык, утробный, нечеловеческий. Рука на талии сжалась так, что рёбра хрустнули предупреждением. Я застонала, ноги подогнулись, мир ушел куда-то вбок. Он лишь легко перехватил меня, как тряпичную куклу, и прижал к груди, не дав упасть.

Боль была дикой. Такой, от которой не кричат, а немеют. Я сучила ногами, пыталась оттолкнуть, он не замечал моих попыток. В глазах темнело — сначала по краям, потом всё гуще, всё ближе к центру. «Всё. По ходу, умираю. Нелепо и глупо. В лесу, весенним утром, под пение птиц.»

— Ну, наконец отдохну, — прошептала я и закрыла глаза. Если бы не боль, то это можно было бы назвать легкой смертью. Тело становилось невесомым, я просто засыпала.

Блондин оторвался от моей шеи. Я почувствовала, как теплая струйка крови, щекоча, скользнула по коже вниз, к ключице, к груди — медленно, почти нежно.

Я с усилием подняла веки, последнее, на что хватило воли. Он смотрел на меня, не отрывая взгляда. Радужка его почти светилась: пульсировала нечеловеческим, ледяным светом, и это было единственное, что я ещё различала в сгущающейся тьме. Всё остальное уже потонуло в серой мгле: лес, небо, а эти глаза горели.

И в них неожиданно плескалось изумление, неверие и ужас. Он был потрясён и напуган. Тот, кто только что пил мою кровь, был напуган.

Я успела почувствовать, как он осторожно опустил меня на землю, увидеть силуэт, закрывающий собой небо. Жёсткая ладонь легла мне на шею, с силой вдавливаясь в место укуса, будто пытаюсь удержать во мне то, что он сам же забрал.

Я закричала от невыносимой боли и наконец отключилась

Алекс.

- Чёрт. Как же я упустил момент.

Голод настиг внезапно — острая жажда ворочалась в горле. Она всегда со мной: то сильнее, то слабее — вечный фоновый шум, к которому привыкаешь за десятилетия. Но сейчас она взорвалась, разрослась до масштабов, с которыми разум справлялся с трудом.

Слишком долго я не пил живую человеческую кровь, всё откладывал на потом. Теперь вряд ли смогу удержаться и не убить. Черт, как некстати.

Увидев подходящий лесок, решил заехать, в таких всегда находятся одиночки, любители ранних прогулок, пробежек. Слишком близко к дороге, но тянуть дальше нельзя, иначе не сдержусь в присутствии людей. Заметив на обочине красную машину, удовлетворённо кивнул. Проехал дальше и загнал свою глубже в чащу, с дороги не видно.

Стоило выйти из машины, как в нос ударил запах. Он тянул, манил, втягивал, как водоворот. Такого густого аромата я не встречал ни разу за всю свою долгую жизнь. Голод обострял восприятие. Пошёл по следу, не думая, не анализируя, тело двигалось само, ведомое инстинктом.

Когда вышел на поляну, мне открылась картина, достойная кисти импрессиониста: на бревне, спиной ко мне, сидела девушка. Пушистые кудрявые волосы, чуть ссутуленные плечи, расслабленная поза человека, который верит, что он в безопасности. Ощутил рядом собаку, но животные боятся меня как огня, пёс не станет проблемой.

Медленно приблизился, оперся на дерево и застыл, рассматривая свою добычу. Инстинкт требовал одного: впиться в горло, немедленно, сейчас.

Но что-то останавливало. Аромат был необычный, не просто манящий, он был другим, требовательным. И девчонку было откровенно жалко, сидит в своем маленьком раю, безмятежная, ничего не подозревающая. Однако меня тянуло к ней невыносимо, жажда размывала остатки воли.

Она обернулась. О нет, уже не девочка. Женщина, лет сорока. Вскочила, отступая, в глазах вспыхнул ужас. Волосы взметнулись. Запах ударил в мозг, выжигая последние барьеры.

Моя. Схватил. Впился в шею, разрывая кожу. Она кричала, отбивалась, но я практически ничего не ощущал, только теплую, солёную влагу, текущую по горлу. Внутри всё ликовало, пело, звенело. Вот она уже обмякла. Прижал крепче, чувствуя конвульсии хрупкого человеческого тела в своих руках. До слуха донесся слабый шепот: «Отдохну». И в голове внезапно прояснилось, жажда отступила, мгновенно, как будто ее и не было. Я застыл. Не веря своим ощущениям. Меня распирает от энергии, а ум ясен. Так не бывает. Так не бывало никогда.

Поднял голову. Вгляделся в ее лицо, продолжая сжимать в руках. Для меня она всё равно девчонка, как ни крути: я старше ее втрое.

Ее глаза мутнели, гасли. Даже находясь на краю смерти, она смотрела мне в лицо, не мигая. Уже не сопротивлялась, руки безвольно повисли вдоль тела.

Осознание обрушилось лавиной: кровная, я нашёл свою кровную и почти убил.

Быстро, но максимально бережно опустил ее на землю. Зажал рану ладонью. Она жалобно, отчаянно вскрикнула и потеряла сознание. Волосы разметались по траве. Я знал, какую боль она сейчас испытывает: мой мутаген в ране вызывал сильное жжение. И я даже был рад, что она отключилась.

Сбросил с плеча сумку. Экстренный медицинский пакет всегда с собой, учитывая мой образ жизни. Завел вверх одну её руку, быстро наложил давящую повязку. Положил ладонь на грудь. Плохо. Сердце бьётся быстро, как у птицы.

Но я не могу потерять её, не имею права. Впервые за сотню лет тяга к крови исчезла.

Подхватил обмякшую девушку на руки, для меня она была невесомой, быстро зашагал к машине, всматриваясь в бледное лицо с испариной на лбу. Губы серые, ресницы подрагивают.

Как же я не распознал сразу по запаху, кто она? Почему, почему именно она попалась мне на пике голода, когда мозг отключен и работает только инстинкт?!

Электроника среагировала на моё приближение, водительская дверь распахнулась. Аккуратно усадил девчонку на сиденье, придерживая одной рукой, чтобы не сползала. Она застонала, видимо, начиная приходить в себя. Достал телефон и набрал медцентр.

— Потеря крови. Первая положительная. Четыре дозы. Сосудистый хирург должен быть готов. Буду через пару часов, максимум через три, — коротко бросил я и отключился, не дожидаясь ответа.

Обошёл машину, максимально откинул пассажирское сиденье. И перенес ее, придерживая голову и шею, чтобы снова не открылось кровотечение.

Девчонка шевельнулась, я быстро склонился к ней, жестко удерживая за плечи, чтобы не дать ей двинуться. Только не сейчас.

Елена

Первое, что я почувствовала, — боль. Она была повсюду — ноющая, всепроникающая. Но шея, правое плечо и грудь горели особенно сильно. Правую руку я не ощущала вовсе, она была как чужая.

Попробовала открыть глаза. Надо мной опять тёмный силуэт. Зрение прояснилось: я в машине. И тот самый голубоглазый мужчина нависает надо мной, пристально вглядываясь в лицо.

Вампир? Или... что он такое?!

Ужас швырнул меня назад. Я вжалась в сиденье, пытаюсь отстраниться. Горячие руки тут же легли мне на плечи, не давая пошевелиться.

— Нет. Не двигайся.

Голос — глубокий, не терпящий возражений. Он наклонился так близко, что платиновая прядь скользнула по моей щеке.

— Что вы... — начала я, но шею пронзила такая боль, что слова застряли в горле.

— Чёрт! — сквозь зубы выругался мужчина. — Кровотечение открылось.

Его ладонь сжала шею. Из глаз брызнули слёзы. Вторая рука легла мне на рот, заставляя замолчать. Он поймал мой взгляд и держал требовательно, жёстко.

— Не шевелись. Не говори. Ты поняла? Моргни, если да.

Он смотрел, не отпуская меня и не позволяя двинуть ни головой, ни плечом. Я покорно моргнула, сил сопротивляться всё равно не осталось, тело меня не слушалось.

— Умница.

Убрал руку с моих губ и снова занялся раной: что-то приложил к шее. Было больно, но я старалась не шевелиться. Взгляд рассеянно скользил по салону. Белая кожа, хромированные детали, дорогая отдушка. Давление на шею наконец исчезло.

Блондин аккуратно, кончиками пальцев, поправил мне волосы, убирая с лица. Прикосновение было неожиданно осторожным, как к чему-то хрупкому. Он исчез из поля зрения на секунду и возник снова. На лицо опустилась дыхательная маска.

— Кислород, — ответил он на мой испуганный взгляд. — Сейчас будет укол, не пугайся и постарайся не дергаться.

В его руках появился шприц-ручка. Я почувствовала жесткие пальцы на плече, затем короткий укол. И все равно рефлекторно дернулась. Мужчина наклонился и принялся методично защёлкивать удерживающие ремни. Их было несколько. Я оказалась полностью обездвижена, ощущая себя мухой в паутине.

Придирчиво осмотрев результат, он достал нож. Я вздрогнула.

— Тише, — его пальцы мимолётно коснулись моей щеки. — Тебе нечего бояться. Я никогда больше не причиню тебе вреда. Я всё объясню позже. Сейчас главное сохранить тебе жизнь.

Он перерезал повязку, фиксирувавшую мою руку, и переложил её вдоль тела. Дверь захлопнулась, обдав меня потоком воздуха. Мужчина сел за руль. Его пальцы легли на моё запястье. Он сдвинул брови и покачал головой, я сама не понимала, почему запоминаю эти детали, вспышками. Не могла пока до конца осознать, что со мной произошло.

Слуха коснулось мягкое урчание двигателя. Удивительно, но меня почти не болтало, машина шла мягко, плавно, словно плыла, даже на грунтовке. А когда вырулили на асфальт, я услышала набирающий мощь рёв мотора.

Мужчина повернулся ко мне.

— Если хочешь выжить, повторю: не пытайся говорить и лежи смирно. Нет, я не угрожаю. Я констатирую факт. Сейчас кровотечение из поврежденной вены удерживают лишь повязка и гемостатик. Ослушаешься — кровотечение откроется снова. А кровопотеря, как ты понимаешь, уже критическая. Ты просто умрёшь, и я ничего не успею сделать. Поэтому будь добра не дури. Дай себя вытащить.

Я слушала и не могла верить. Он — тот, кто только что почти убил меня. Тот, кого не существует в реальном мире, во всяком случае, в моем мире. Страшная или сладкая сказка, в зависимости от предпочтений в фэнтези. И вот сейчас он куда-то везёт меня, чтобы, с его слов, спасти, и уговаривает не дури.

Может, я в психушке. Может, всё это — галлюцинация.

Лежала, прислушиваясь к монотонному гудению мотора. Мы мчались по дороге, а в груди расплзалась острая боль, словно вонзили клинок и медленно проворачивают. Ужасно хотелось закрыть глаза, но страх не отпускал. Всё вокруг казалось дурным сном — вязким, нелогичным, таким, от которого не получается очнуться.

Я лихорадочно пыталась осмыслить происходящее. Не знала, какой препарат он мне вколол, но постепенно сердце застучало ровнее. Дышать стало легче, а боль немного отступала. Не уловила сколько мы ехали, сознание то покидало, то возвращалось.

Внезапно мужчина чертыхнулся и начал притормаживать.

— Ты ведь не хочешь, чтобы из-за тебя пострадали невинные люди, — произнёс он, поворачиваясь. Его глаза были холодные и безразличные, как два осколка зимнего неба. — Не дергайся. Просто моргни один раз.

Мои глаза расширились от ужаса. Тут и думать нечего. Конечно, не хочу. Медленно моргнула.

— Вот и хорошо, — ухмыльнулся он. — Лежи спокойно и молча. Больше от тебя ничего не требуется.

К водительской двери уже подходил сотрудник ГИБДД. Мой похититель за мгновение преобразился: лицо стало взволнованным, человеческим, — и опустил стекло.

— Нарушаем? Куда так мчимся?

Но полицейский уже увидел меня с маской на лице и осёкся.

— Здравствуйте, офицер. Виноват. Жене очень плохо, — блондин говорил спокойно, уверено. - Везу в медцентр.

— Помочь? Сопроводить?

— Спасибо, уже почти доехали. Буквально километр.

Нас отпустили. Я поняла, почему он отказался от сопровождения: тогда потребовали бы документы. А документов на случайную жертву из леса у него, разумеется, не было.

— Умная, послушная девочка, — улыбнулся он, не отрывая взгляда от дороги.

А я внезапно разозлилась. Сжала челюсти. Это ничтожное движение вызвало такую боль в шее, что в глазах потемнело.

— Я же сказал — не шевелись! — рявкнул блондин, оглядываясь на меня, и вдавил газ в пол. Он включил аварийку, несколько раз просигналил. Я не понимала, что за машина, но, судя по салону, она стоила больше моего дома. Нас пропускали мгновенно, словно чуяли хищника.

Резкое торможение. Меня потянуло вперед, боль взвинтилась до предела. Я не смогла сдержать жалкий, тихий стон, вырвавшийся сквозь стиснутые зубы.

Он рванул ремень и вылетел из машины. Через секунду распахнул дверь с моей стороны. Склонился, обхватывая шею ладонью. Пальцы с силой надавили на место укуса.

В глазах сверкнуло. Я вскрикнула.

— Глупая девчонка, — бросил он с презрением, но пальцы на шее чуть ослабили хватку, не исчезли, нет, просто стали чуточку бережнее.

Рядом возник кто-то ещё. Руки блондина оставались на моей шее, пока его помощник расстёгивал удерживающие меня ремни. Спинка сиденья поднялась, и я увидела двухэтажное современное здание в окружении деревьев. Вокруг суетились люди в белых халатах.

— Готов? — бросил блондин, не отводя от меня взгляда.

Его рука скользнула мне под плечи, не давая пошевелить головой. Одновременно помощник подхватил меня под колени и поясницу. Меня извлекли из машины и переложили на каталку.

Вокруг тут же закипела профессиональная суета, но он продолжал фиксировать мою шею невозмутимо, как будто делал это каждый день. Меня вкатили в помещение — предоперационная, судя по обстановке. Над головой уже покачивался тёмный пакет с донорской кровью.

Холод металла коснулся кожи, кто-то разрезал мою одежду. Блондин даже бровью не повёл, продолжая удерживать мой взгляд. И я не могла отвести глаз, как кролик перед удавом. Что скрывалось в этих голубых льдинках? Я не понимала. Зрение начало затягивать вязкой пеленой.

— Перекладываем. Раз, два, три! — прозвучал чей-то голос, и я оказалась на операционном столе. О, как же мне это знакомо. Поверхность была с подогревом. Режущий свет ламп. Запах антисептика.

Блондин чуть отстранился, но пальцы от шеи не убрал. На лицо снова опустилась маска.

— Хороших снов, девочка, — ровно произнес он. — Посчитаем вместе? Десять... девять...

Восемь я уже не услышала. Мне вкололи наркоз...

Глава 2

Алекс

Наконец я почувствовал, как тело моей кровницы обмякло, напряжение спало, а веки, дрогнув, закрылись. Подошедшая медсестра, вопросительно заглянув мне в лицо, протянула руку к шее девушки, готовая сменить мои пальцы на зажим. Я кивнул и отступил, освобождая дорогу профессионалам.

Взглянул на свои руки — пальцы были густо испачканы в крови. Ко мне тут же подскочила молоденькая санитарка. Стреляя глазками, она предложила проводить меня в уборную, чтобы «привести себя в порядок».

— Веди сразу в палату, куда положат девушку, — отрывисто бросил я, окинув ее ладную фигурку взглядом.

Симпатичная, но не зацепила.

Как только дверь за мной закрылась, я медленно облизал пальцы. Внутри моментально вспыхнуло пламя, подтверждая мою гипотезу.

Умывшись, я устроился в глубоком кресле. Позвонил помощнику. Приказал немедленно доставить в медцентр ноутбук и соединить меня с начальником службы безопасности. Джон ответил почти мгновенно.

— У меня здесь уникальная находка, — начал я без предисловий. — Твоя задача — узнать о ней всё. Кто, откуда, родственники, работа, скелеты в шкафу... В общем, не мне тебя учить.

— Есть какие-то зацепки, кроме самой «находки»? — спокойно уточнил он.

— Да, её паспорт, права и телефон. Давай-ка дуй в медцентр, здесь перетрем. Не телефонный разговор.

— Буду через полчаса, — коротко сказал начбез и отключился.

Операция должна была продлиться не менее часа, а то и двух — яремная вена просто так не зашивается. Времени у нас было предостаточно. Я нажал на кнопку вызова персонала и приказал принести обед.

Блюда принесли очень быстро, мои вкусовые предпочтения тут знали. В ноздри ударил мощный, почти оглушающий аромат стейка с кровью и свежесваренного кофе. Я даже замер на секунду: таких ярких ощущений я не ожидал. Кровь девчонки начала действовать в полную силу, обостряя чувства до предела. Я принялся за еду, наслаждаясь каждым кусочком. Теперь я понял, ради чего подобные мне десятилетиями ищут своих кровниц. Это был не просто «бонус» к невероятной силе, пульсирующей в каждой клетке тела. Мир вокруг наконец-то обрел вкус.

Я заканчивал трапезу, смакуя незнакомое ранее чувство глубокого насыщения, когда дверь распахнулась. Вошли помощник с ноутбуком и Джон. Поблагодарив первого, я отпустил его, а начбезу указал на соседнее кресло. Джон был не просто подчиненным, а другом — и одним из немногих людей, кто знал мою истинную природу.

— Ого... — выдохнул он, вглядываясь в моё лицо. — Слушай, ты бы очки надел, что ли. У тебя глаза светятся. Пояснишь?

— Что? — не понял я.

Как-то недосуг было разглядывать себя. Я встал и подошел к зеркалу.

— Дьявол...

Я рассматривал своё отражение. Радужка стала насыщенно-голубой и действительно испускала мягкое сияние даже при дневном свете.

— Интересно, заметил ли кто-то из персонала... — пробормотал я.

— Еще бы, — подтвердил Джон, протягивая мне очки с легким затемнением.

Надев их и убедившись, что эффект скрыт, я вернулся к обсуждению.

— Это как-то связано с твоей «находкой»? — поинтересовался Джон, подавшись вперед.

— Да, она моя кровница. И, честно говоря, я едва успел остановиться. Слишком уж давно не пил кровь, организм практически был на грани дикого голода.

— Алекс, это многое меняет.

Джон уставился на меня с жадным изумлением.

— Давай всё, что у тебя есть.

Я поднялся, коротким жестом приглашая его следовать за собой. Шаги гулко отдавались в тишине коридора.

— Её сумка осталась в машине. Пойдем.

В салоне всё еще ощущалось ее присутствие: легкий травяной шлейф и неуловимо сладкий, притягательный запах ее крови. Я достал потертый коричневый рюкзак и, не церемонясь, вытряхнул содержимое. Первым на сиденье лег смартфон. Я извлек сим-карту и бросил оба предмета Джону. Тот поймал их на лету. — Разберешься без её пальца? — в моем голосе промелькнула холодная усмешка.

Джон вскинул на меня насмешливый, понимающий взгляд.

— Очень остроумно, Алекс. Разумеется.

Я продолжил инспекцию её нехитрого скарба: паспорт, права, кошелек, из которого выскользнули две банковские карты, наличности было всего пара тысяч. Передав документы Джону, я задержал в руках паспорт. Раскрыл его, пролистывая страницы с печатями прошлой, навсегда утраченной для нее жизни. Удовлетворенно хмыкнул. — Надо же... А ведь я бы не дал ей больше сорока. Ну, почти угадал. Я протянул документ начбезу.

— Мой мутаген уже начал свою работу. Обратный отсчет запущен. Через пару недель она будет выглядеть максимум на двадцать пять — тридцать лет. Мне нужна абсолютно новая легенда: имя, фамилия, биография. Ни единой ниточки, ведущей к этой женщине.

Я указал в сторону выезда.

— Машина осталась в лесочке у поселка Телеши в районе города. Сделай так, чтобы ее поиски не затянулись, а финал выглядел... фатально и естественно. Оптимально — нападение зверя в лесу, тело, разумеется, не найдут, заberi ее одежду. И еще одно: там где-то осталась её собака, если получится, отловите и доставьте ко мне.

— Порода? — Джон уже делал пометки в планшете.

— Дворня. На вид — черно-рыжее лопоухое недоразумение. Но запах... — я прикрыл глаза, переносясь мысленно в тот лес — Там явно примесь волка.

Забрав трофеи, Джон сел в свое авто и покинул территорию медцентра, а я вернулся в палату. Время замедлилось. Опустившись в кресло у окна, я заказал чай. Когда принесли дымящуюся чашку, я замер, вдыхая. Купаж раскрывался сотней нюансов, которые раньше были мне недоступны. Определенно, всё вокруг обрело резкость и глубину. Цвета стали почти осязаемыми. Но главное — жажда. Жажда, что была моей тенью десятилетиями, ушла. Теперь кровь станет лишь необходимым энергетиком, который будет нужен не так уж и часто. И была еще одна мысль, от которой по коже пробежал почти забытый электрический разряд: если я не ошибаюсь, моя кровница способна подарить мне наследников.

Дверь бесшумно разошлась в стороны. Санитары вкатили каталку. На белых простынях лежала девушка, погруженная в медикаментозный сон.

«Елена», — мысленно произнес я. Красивое, певучее имя. Пожалуй, оставлю его. Оно ей идет.

Слаженные движения персонала — и вот она уже переложена на кровать, укрыта одеялом, а рядом мерно капает капельница. В палату вошел врач, его движения спокойны без излишнего раболепия я уважал таких людей.

— Мистер Алексис, — сообщил он, — операция прошла хорошо.

Персонал всегда обращался ко мне полным именем.

— Теперь требуется только временный покой и хорошее питание, уже завтра девушку можно будет забрать домой. Медсестра прибудет к тому же времени. Первые три дня — исключительно жидкая пища. Все препараты и график введений будут у персонала.

Врач чуть склонил голову.

Я поднялся, протягивая руку.

— Благодарю, Андрей Михайлович. Вы и ваша команда проделали великолепную работу. Премияльные будут зачислены на ваши счета к утру.

Я ценил лояльность и профессионализм. В моем мире страх — хороший стимул, но уважение, подкрепленное деньгами — фундамент власти.

Когда за последним сотрудником закрылась дверь, я подошел к кровати. Склонился над своей ценной «добычей», вслушиваясь в её неровное дыхание. Она была бледна. Под закрытыми веками залегли глубокие тени. Какое-то время она будет испытывать дискомфорт от попавшего в кровь мутагена. Еще несколько дней он будет отзываться ломотой и жжением во всем теле и головной болью. Но результат... результат она оценит.

Я разглядывал её лицо, и внутри, где-то в самой темной глубине сознания, заворочалось незнакомое раньше чувство: острая, почти физическая потребность закрыть её собой от всего мира. Собственничество, смешанное с инстинктом защитника.

Я протянул руку и кончиками пальцев отвел упавшую на лоб прядь. Осторожно, едва касаясь, очертил контур её лица. Елена судорожно вздохнула, её черты исказились в гримасе ужаса.

Бойтся меня. Даже во сне чувствует присутствие хищника. Что ж, это поправимо. Сток-гольмский синдром еще никто не отменял, а у нас впереди много времени. Я сел и замер, не сводя с неё взгляда. Я умел ждать.

Елена

Сознание возвращалось медленно, как это всегда бывает после глубокого наркоза. По крайней мере, жива, подумалось сразу. Открывать глаза не хотелось: веки казались налитыми свинцом, в затылке пульсировала тупая боль, а тело ощущалось как один сплошной, ноющий синяк.

В тишине мерно выстукивал ритм монитор — тонкий, стерильный писк. Других звуков не было. Я попыталась разомкнуть ресницы; мир двоился и плыл, веки дрожали, отчаянно сражаясь с остатками лекарств. Постепенно из тумана проступили очертания комнаты. Это было мало похоже на муниципальную палату: кессонный потолок со скрытой мягкой подсветкой, отделка из натурального дерева, благородный бежевый шелк обоев. На стенах пара пейзажей в тонких рамках, изящные бра, а прямо напротив кровати широкая панель телевизора. Дорого, статусно, пугающе.

Вместе с четкостью зрения вернулась и память. Предшествующие события ворвались в голову ледяным потоком, и в них сложно было поверить. В одной руке стоял катетер, вторую я, преодолевая сопротивление мышц, поднесла к горлу. Кончики пальцев коснулись плотной многослойной повязки. Значит, не привиделось.

А через секунду меня накрыло тем же животным, первобытным чувством опасности, что и в лесу. Внутри всё заледенело. Я дернулась, пытаясь осмотреться, и тут же вскрикнула — шею и грудь прошила острая, колющая боль.

— Не дергайся так.

Раздался слева низкий вибрирующий баритон. Я чуть повернула голову. У окна сидел блондин.

— Ты в безопасности, в моем медицинском центре. Тебе больше ничего не угрожает.

Я узнала этот голос. Сердце пустилось вскачь. В груди как будто пустота образовалась.

Он поднялся и подошел почти вплотную. Его ладони тяжелым грузом легли мне на плечи, не давая пошевелиться. Я замерла, глядя прямо в ярко-голубые, почти светящиеся глаза своего похитителя. В голове билась одна-единственная мысль: он либо сумасшедший, возомнивший себя вампиром, либо... Но у психопатов не бывает таких клиник. Такой абсолютной, ледяной уверенности в каждом жесте. Его близость вызывала дрожь — странный сплав из тошнотворного ужаса и какого-то иррационального ощущения защищенности.

— Меня зовут Алекс, — представился он. Нажав кнопку на панели управления, он плавно поднял спинку кровати. Вторая рука продолжала удерживать меня за плечо, мягко, но настойчиво.

— Тебя подлатали, жизни ничто не угрожает, но резкие движения сейчас тебе противопоказаны.

— И... что теперь? — мой голос был похож на шелест сухой листвы. — Кто вы? Вы ведь...

Я поперхнулась словами, сглатывая липкий ужас. Мужчина скривился и, отпустив меня, вернулся в кресло.

— Елена, ты меня боишься. Это естественно. Инстинкт жертвы перед высшим хищником, — он обозначил улыбку. — Да, сегодняшнее утро не было твоим дурным сном. Да, в ваших мифах нас называют вампирами. Но я не то существо, которое рисует твоё воображение. Мы сами веками подкармливали человечество сказками, чтобы запутать следы. Ты узнаешь всё, но позже. Сейчас тебе нужен покой.

— А что потом? — я жадно рассматривала его. На вид — лет сорок, сорок пять. Властное красивое лицо, взгляд человека, привыкшего к беспрекословному подчинению. Угрозы в его глазах сейчас не было, но аура опасности, заполнившая палату, буквально кричала: «Беги! Перед тобой зверь!». — Мои родные... они ищут меня. Им нужно сообщить, что я здесь.

— Тебя больше нет для твоих родных, — жестко отрезал он. — Теперь ты моя.

Лицо его оставалось спокойным, а у меня перехватило дыхание. В голове воцарился хаос. «Моя»? Пальцы похолодели, в горле застрял горький ком. Я молчала, пытаюсь нащупать хоть какую-то опору в этой безумной реальности. Прямо сейчас я была беспомощна. Нужно было играть по его правилам, а дальше посмотрим. Справившись с дрожью, я спросила:

— Что значит «ваша»? Вы собираетесь... постоянно питаться моей кровью?

Я не стала кричать о правах или законе — это казалось бессмысленным. Гнев кипел внутри, но разум заставлял затаиться, нужно выяснить больше деталей, понять, что и как, а уже потом пытаться действовать. Мужчина дернул щекой.

— Нет, это лишь человеческие легенды. Кровь действительно была нужна мне для поддержания энергетического баланса, но я питаюсь обычной пищей. Почти обычной — в основе рациона мясо. Но кровь... иногда необходима. Чаще — пара глотков. Ты оказалась в неудачном месте в самое неудачное время. Хотя, смотря для кого, — его лицо вдруг смягчилось, улыбка сделала его почти человеческим. — Для меня всё сложилось как нельзя лучше. И теперь я тебя не отпущу.

— Почему? — я зацепилась за его слова. — Почему «была нужна»? В прошедшем времени? А теперь нет?

— О, это самое интересное, Елена.

То, как он произносил моё имя, тягуче, почти пробуя на вкус, вызывало у меня странную дрожь.

— Ты — моя кровница, так мы вас называем. Твой организм вырабатывает антитела, которых нет у большинства людей. Это обусловлено редкой генетической мутацией. Если говорить просто, твоя кровь дала мне свободу от чувства жажды. Мы ищем таких, как ты, десятилетиями. Теперь чистая кровь мне потребуется лишь в исключительных случаях.

— Чего?! — я ошарашенно уставилась на него и села. — То есть автор «Сумерек» про особую кровь жертвы не придумала?

— Нет! Это здесь не при чем, — раздраженно сказал он, пресекая сравнение с известным романом. — Я объясню позже. Ляг, пожалуйста.

Он снова оказался рядом, непреклонно уложил меня на подушки и нахмурился, глядя на показания приборов.

— Тебе больно. Почему молчишь? — Он нажал кнопку вызова на панели. — Успокойся — пульс зашкаливает.

Дверь бесшумно отворилась, на пороге появилась медсестра.

— Успокоительное и анальгетик, быстро, — скомандовал Алекс.

Девушка тоже глянула на монитор, на меня и, качнув головой, быстро ушла.

— Ваши руки... Они очень горячие. Отпустите меня, — прошептала я.

Боль во всем теле нарастала, кожу щипало, но на фоне его откровений это казалось чем-то вторичным. Только сейчас я заметила, какое у меня рваное, загнанное дыхание.

— Это особенность расы. Моя температура выше человеческой на три-четыре градуса. Нет, не отпущу, не надейся.

Медсестра вернулась со шприцем и ввела лекарство в порт капельницы.

— Сейчас станет легче, — мягко сказала она. — Не нужно терпеть, Елена. Вам нужен сон. Когда проснетесь, будет гораздо лучше.

Она легко дотронулась ладонью до моей руки и вышла.

Я посмотрела на Алекса. Язык не поворачивался произнести его имя вслух. Он кивнул, словно прочитав мои мысли, и опустил спинку кровати.

— Поспи, и запомни: тебе ничего не угрожает. Я не причиню тебе вреда, больше никогда, а твой страх передо мной скоро пройдет. Засыпай.

На меня накатывала сонливость. Боль начала растворяться в приятной неге. Я ощутила, как он нежно, почти невесомо коснулся кончиками пальцев моей щеки.

«Конечно, не причинишь», шепнул затихающий разум, «если не считать того, что я твоя пленница».

С этой мыслью я провалилась в темноту.

Алекс

Я смотрел на Елену. Она наконец уснула, и ритм её сердца выровнялся, превращаясь в мерное, успокаивающее постукивание. Мне опять захотелось прикоснуться к ней, и я осторожно провел кончиком пальца по её щеке, едва коснулся губ и зацепил прядь волос, пропуская её сквозь пальцы, словно шелк.

Объективно — она была обычной. Симпатичная, да, но первой красавицей её не назовёшь. Меня всегда окружали девушки модельной внешности. Она — не такая. Но в ней ощущалась мягкая, естественная притягательность. И её страх... Он буквально выжигал меня изнутри. Эта смесь ярости и болезненного желания защитить девчонку выбивала из колеи. Только вот от кого её защищать? От самого себя? Теперь, когда она забылась сном и перестала смотреть на меня как на чудовище, колющее раздражение в груди начало стихать.

«Ладно, — подумал я, — пора покопаться в архивах». Я слишком мало знал о кровницах. Раньше я никогда не пытался найти ее целенаправленно. Слишком они были редки, не хотелось тратить время.

Тишину разрезала вибрация телефона. Взглянув на дисплей, я поморщился, но звонок был из тех, что нельзя игнорировать.

— Слушаю, — бросил я, отходя к окну, чтобы не разбудить ее. — Организуй веб-конференцию. Через пятнадцать минут буду в сети.

Дела требовали моего присутствия, как бы мне ни хотелось остаться в этой палате. Здесь, в медцентре, у меня был кабинет. Я прихватил ноутбук и направился к выходу, но у самой двери еще раз обернулся. Она спала безмятежно, черты лица разгладились. Кардиограф показывал стабильный ритм — боли нет. Хорошо.

В коридоре я коротким кивком указал медсестре на дверь.

— Идите к ней. Как только проснется, немедленно позовите меня. Сколько действует снотворное?

— Около двух часов, мистер Алексис, — пробормотала она, прижимая к груди планшет.

Женщина постаралась обойти меня по широкой дуге, едва не врезавшись в косяк: когда я был зол, люди особенно сильно опасались меня. А сейчас я был в бешенстве. На самого себя за то, что напугал Елену до дрожи, и на моего давнего конкурента, хотя вернее бы назвать его врагом. Обычный человек, но каким-то образом он пронюхал о моей истинной природе. Кто-то слил информацию, и этот «кто-то» очень скоро пожалеет о своем рождении.

Шагая к кабинету, я прокручивал варианты. Но ни при каких обстоятельствах Елена не должна оказаться под ударом. Я открыл ноутбук и подключился к связи. Пока руководители подразделений сыпали докладами, в моей голове уже выстраивалась стратегия. Всё было не так скверно, как малевал мой помощник, но поработать придется.

Прошло полтора часа, прежде чем я осознал: о чем бы ни шла речь на совещании, мыслями я всё равно возвращался к ней. Это странное притяжение к кровнице удивляло и сбивало с толку. Отдав последние указания, я закрыл конференцию, достал сплайнер и связался со Старшим из моего родного мира.

На экране появилось лицо моего брата, Танаджи. Он окинул меня внимательным, чуть ироничным взглядом.

— Алексис? Какими судьбами? Неужели ты соизволил вспомнить о родне? Не прошло и полвека.

— Есть дело, Танаджи. Нужна информация.

Брат выглядел неприлично довольным. Еще бы: недавно он получил разрешение на продолжение рода.

— Ну-ка, ну-ка, удиви меня, «малыш», — подначил он.

Я лишь усмехнулся. В другое время я бы ответил на шпильку, но сейчас было не до игр. — Мне нужно всё по кровницам. Вся информация, которая есть. Пришли максимально быстро.

— Да ты что? — Маска иронии мгновенно слетела с его лица. В глазах вспыхнул острый, почти хищный интерес. — Неужто нашел ее?

— Похоже на то. — Я откинулся на спинку. — Во всяком случае, голод исчез. Я чувствую прилив сил, а мир... он будто стал ярче.

— Тогда не сомневайся. — Брат серьезно кивнул. — Это точно она. Покажешь? — Не сейчас. — Я поморщился. — Она в моем медицинском центре. Я чуть не убил её, Тан. Она попалась мне в самый паршивый для нее момент.

— Ты допустил дикий голод? — Лицо брата потемнело. — Почему? Ты же знаешь, к чему это ведет. Тебе дьявольски повезло, что ты сумел остановиться. Убийство кровницы после того, как ты получил ее кровь, уничтожило бы тебя.

— Да, но так сложились обстоятельства... — Я снова потер переносицу, вспоминая свой ужас, когда смотрел на нее, умирающую в моих руках. — В какой-то момент меня будто ударили по голове. Рассудок прояснился мгновенно, а жажду отрезало, как ножом. Это меня и остановило. Кстати, что ты сказал про связь?

— Давай-ка я просто пришлю тебе файлы, изучишь на досуге. Сочувствую, брат. Она теперь, небось, боится тебя до дрожи?

— Да. — Я невольно сжал зубы. — Но не панически. Смотрит, слушает, анализирует. В ней есть стержень. Хотя страх... очень сильный.

— Бесишься? — понимающе хмыкнул Танаджи.

— Да. Откуда... — Я удивленно посмотрел на него

— Оттуда. Инстинкт защитника, Алексис. Ты хочешь оберегать свою пару, а главный источник угрозы в ее понимании сейчас — это ты сам. Нелегко тебе придется. Ладно, изучай, сейчас всё скину. Бывай. Рад был увидеть тебя. Сообщи, как будут развиваться события.

— До связи. — Кивнул я ему. Экран сплайнера погас. Я несколько минут сидел в тишине, переваривая услышанное. В дверь тактично постучали.

— Войдите. — Я поднял голову, глядя на дверь.

В кабинет заглянул медбрат.

— Елена проснулась, мистер Алексис.

Я закрыл ноутбук и поднялся.

— Иду. Пусть принесут ужин в палату — на двоих.

Я быстрыми шагами направился к той, кто теперь по законам крови и судьбы принадлежала мне. И которой я теперь принадлежал еще больше. А вот как ее смирить с этим, не сломав, хороший вопрос.

Короткий писк сплайнера в кармане оповестил: брат прислал обещанные данные. Дверь в палату передо мной предупредительно открыли. Первое, что я увидел, — её каре-зеленые глаза, в которых застыло ожидание. Стоило мне переступить порог, как по нервам хлестнул отголосок страха Елены. Но теперь он был не таким сильным. Я заставил себя выдохнуть, усмиряя внутреннее напряжение, и устроился напротив, положив ноутбук на стол.

— Как ты, Елена? — спросил я, не сводя с нее глаз и ловя малейшее изменение в мимике.

Она полулежала, опираясь на высоко поднятое изголовье кровати — кто-то из персонала уже позаботился о её комфорте.

— Боли почти нет, — отозвалась она едва слышно. — Только слабость... Такая, что трудно пошевелиться.

— Слабость — это нормально. Кровопотеря была практически фатальной. А что касается боли... Не стоит геройствовать. Сразу говори, если станет больно: тебе введут анальгетик. На тебя действует мой... скажем так, яд. Это последствие моего укуса.

— Что? — Во мне снова резонансом отозвался ее испуг. — Вы... ядовиты? И что теперь со мной будет?

Я видел, как на её губах дрожит следующий вопрос, но она сдержалась. Лишь в глазах полыхнуло отчаяние. Я невольно усмехнулся.

— В каком-то смысле да. Я объясню подробности позже, в более подходящей обстановке. Но с тобой ничего плохого не будет. Напротив, эффект тебе даже понравится. И нет. — Я не сдержал короткого смеха. — Вампиром ты точно не станешь. Кстати, как насчет того, чтобы перейти на «ты»?

Она тут же опустила глаза, внезапно заинтересовавшись складками простыни.

— Нет.

— Почему?

— Я не могу, — она произнесла это сухо, с достоинством. — Мы едва знакомы, и я... я нахожусь в заведомо зависимом положении от вас.

Я поморщился. Упрямство. Что ж, придется приручать её шаг за шагом. Короткий стук в дверь прервал наш разговор. Медсестра вкатила столик с ужином: мой традиционный стейк, крепкий кофе. А для Елены — высокий бокал с белковым коктейлем и сок.

— Елена, попробуйте, как вам будет удобнее, — мягко произнесла медсестра, поправляя подушки и помогая ей сесть. — Можно через трубочку, можно прямо из бокала. Твердая пища вам пока противопоказана.

Я наблюдал за своей кровницей, подмечая нюансы её эмоций. Она искренне поблагодарила женщину и взяла бокал. Первая же попытка пить через трубочку заставила её болезненно сморщиться. Я почувствовал эту вспышку боли в горле как свою собственную. Внутри меня

заклокотала глухая ярость, требуя немедленно защитить пару от боли. С этим нужно было что-то делать.

Елена не проронила ни звука. Она просто вытащила трубочку, аккуратно промокнула её салфеткой и отложила в сторону, решив пить прямо через край. — Так гораздо проще, спасибо. — Кивнула она медсестре, и та ушла.

Я принялся за мясо, но взгляд мой по-прежнему был прикован к ней. — Я подавлюсь, если вы будете так на меня смотреть, — вдруг спокойно произнесла Елена. Она продолжала пить коктейль маленькими, осторожными глотками.

Я ухмыльнулся, признавая поражение в этой маленькой дуэли. — Извини. Пей спокойно, не буду тебя смущать.

Я сосредоточился на еде. Стейк был великолепен. Я наслаждался тем, что полностью ощущал его вкус. Когда с мясом было покончено, взял в руки чашку ароматного кофе и посмотрел на Елену. Её бокал опустел, и теперь она сама изучала меня — внимательно, сосредоточенно.

Я чуть приподнял уголки губ, стараясь максимально смягчить жесткие черты лица. Судя по тому, как в её глазах мелькнуло удивление, мне это удалось.

— Вкусно хоть было? — поинтересовался я.

— Да, вполне. Напоминает растаявшее ванильное мороженое.

— Глотать больно?

— Немного. Но через трубочку было чувствительнее, когда так пьешь, терпимо.

Я выждал паузу и произнес максимально буднично: — Завтра я отвезу тебя к себе домой.

Я внимательно следил за ее реакцией: посмотрела в сторону, щеки порозовели — злится. Ну что ж, гнев — это уже понятнее, уже лучше, чем страх, его легко перевести в страсть.

— И что это значит? — голос слегка дрогнул. — Я больше никогда не увижу своих родных? — Ты — увидишь. А они тебя — нет.

Ритмичный писк кардиомонитора вдруг участился, превращаясь в тревожную дробь. Зря я затеял этот разговор сейчас. Она еще слишком слаба. Я поднялся с места и подошел вплотную к кровати.

— Давай обсудим это позже. — Я почти силой вложил стакан с соком в её пальцы. — Попей. Тебе сейчас нельзя волноваться.

Она сделала глоток и бессильно откинулась на подушки, тяжело вздохнув. Я ощутил ее сопротивление. Грёбанные сложности. Я не привык к такому. Обычно женщины сами вешались мне на шею, а с ней... с ней всё было как в первый раз.

Я чуть склонил голову, пытаясь поймать её взгляд, но она упрямо смотрела в сторону. Я решил не форсировать события, вернулся в кресло и погрузился в работу, многое еще было необходимо спланировать.

Краем глаза я продолжал наблюдать. Она цедила сок крошечными, почти механическими глотками, уставившись в пустоту перед собой. Когда стакан опустел, она не поставила его, а принялась медленно крутить в пальцах, словно изучая грани стекла.

— Может тебе принести планшет? Чем хочешь заняться? — нарушил я тишину. Елена вскинула голову, и на этот раз её взгляд, прямой и колкий, вонзился в мой. — Почитать? Фильм? Или, может, игры?

— Да, если можно, — в её голосе внезапно зазвучала искра жизни.

— Можно.

Через пятнадцать минут гаджет уже был в руках у Елены. Всё это время она сидела неподвижно, вновь превратившись в изваяние, но едва коснувшись экрана, заметно ожила.

— Мне нужны наушники, — тихо попросила она.

Медбрат, стоявший все это время в дверях, посмотрел на меня вопросительно. Я едва заметно кивнул. Когда дверь за сотрудником закрылась, Елена вдруг произнесла:— Вас бояться. Очень сильно.

Я невольно приподнял бровь.

— Ты эмпат?

— Наверное. Я всегда слишком хорошо чувствовала людей.

Я хмыкнул, внутри просыпался азарт. Девчонка была куда сложнее, чем показалось вначале.

— Ты права, страх — это инстинкт, особенно когда я зол.

Вернулся медбрат, передал запрошенное, и нить разговора оборвалась. Дождавшись, когда мы останемся одни, я негромко добавил:

— Надеюсь, мне не нужно напоминать, что писать комментарии или подавать сигналы не стоит?

— Я даже не думала об этом, — буркнула она и, отгородившись от меня наушниками, сосредоточилась на экране.

В кармане завибрировал телефон. Начбез.

— Да, — сухо произнес я, давая понять, что говорить открыто не могу.

— Принял, — отозвался Джон. — Я подготовил отчет по девушке. Привезти или скинуть в облако?

— Сбрасывай. Есть что-то стоящее?

— О, более чем. Весьма любопытный экземпляр.

— Жду.

Я разорвал связь. Елена застыла, погрузившись в просмотр. Губы едва заметно шевелились, будто она подпевала кому-то. Нужно будет позже проверить историю посещений.

Телефон пискнул, пришло письмо. Я углубился в чтение, и строки отчета начали складываться в четкую картину. Взрослый сын, студент... Муж? Ну надо же, двадцать шесть лет в браке. Карьера... хм, она действительно умна. Я взглянул на неё, но она была слишком далеко мыслями, чтобы заметить мой интерес. Родители, брат. Любит животных. Ни одного привода, ни одного пятна на репутации. Добросовестный налогоплательщик. «Сама праведность», — я поморщился, почувствовав на языке привкус лимонной оскомины.

Но стоило мне углубиться в ее соцсети, как скука сменилась интересом. О, а вот и «зажигалка». Умение абстрагироваться, острый язык. А это... это уже тянет на статью. Формально ничего криминального, но нынешние законы позволяют раздавить за такое в два счета. И как она решилась?

А, понятно. Обостренное чувство справедливости. Большая девочка, которая всё еще верит в сказки. Что ж, устроим ей сказку.

Прочитав отчет до конца, я почувствовал, что теперь знаю Елену гораздо лучше. Легко не будет, и это предвкушение заставило меня улыбнуться. Чем сложнее задача, тем слаще результат. Она вздрогнула и повернула лицо ко мне, точно уловив перемену в моем настроении.

Я обратил внимание на время. За окном окончательно стемнело. Пора заканчивать. Я встал, и она вынула наушники, выжидающе посмотрела на меня. Подойдя к кровати, я мазнул взглядом по экрану. На паузе был какой-то ролик, сгенерированный нейросетью, те же лица, что мелькали в её подписках. Да, этот конфликт явно затянулся, пора бы поставить точку.

— Елена, тебе пора отдыхать.

Протянул руку, и она беспрекословно отдала планшет. Молча. Я посмотрел на приборы у изголовья и покачал головой.

— Тебе снова больно. И ты снова молчишь.

— Монитор показывает уровень боли? — в её голосе проскользнуло удивление.

— Нет. Но я умею читать ЭКГ с экрана. Твой пульс изменился.

Я нажал кнопку вызова. Вошедшей медсестре велел подготовить анальгетик и седативное. Заметив, как Елена поморщилась, я добавил:

— Ты не хочешь химии, но сейчас это необходимость. Тебе нужен глубокий сон.

Она ничего не ответила. Сестра ввела препараты через порт катетера. Елена почти мгновенно начала медленно моргать, борясь с действием лекарств, но проиграла эту схватку. Ритм сердца начал выравниваться.

Я кивком отпустил медсестру. Оставшись в одиночестве, я позволил себе коснуться её лица, на этот раз она не вздрогнула и не отпрянула. Страха больше не было. Видимо, она начала ко мне привыкать.

Не выдержав, я наклонился и легко коснулся губами ее лба, втягивая носом запах.

— Спи, Елена. Ты привыкнешь ко мне. И тебе понравится быть моей. Обещаю.

Забрав ноутбук и погасив свет, я вышел. На рабочем терминале в коридоре я открыл окно видеонаблюдения, теперь за ней будет приглядывать медперсонал. Я же останусь здесь, в центре. В кабинете есть всё необходимое.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.